

СЕГОДНЯ наша газета впервые представляет творчество Ларисы Сониной, хотя ее имя уже известно в литературном мире Южного Урала.

Лариса родилась в Павловске Алтайского края. Окончила Уральскую государственную юридическую академию. Кандидат юридических наук, доцент кафедры права Магнитогорского государственного технического университета. Лауреат всероссийского конкурса молодых поэтов (Челябинск, 1998). Публиковалась в журналах «Урал», «Уральская новь», в коллективных сборниках Москвы и Екатеринбурга. Лариса – автор трех стихотворных книг и одного романа.

Человек зависит от случайностей

> Век двадцатый – век необычайностей, двадцать первый – пафосный совсем

Китайские мотивы

I
Надзор за садами

лекарственных трав...
Когда-то прошла ты здесь, помню.
Крестьянки, одежды свои подобрал,
Спускаются в каменоломни.

Пусть редкой травы набирают они...
Но, веришь ли, как тяжело мне
Весь век ожидать, не несут ль огни –
Когда-то прошла ты здесь, помню.

В молебно прошла
иль в прибежище грез –
Исчезла, как дивная сказка,
И мокрою стала от сдержанных слез
Моя головная повязка.

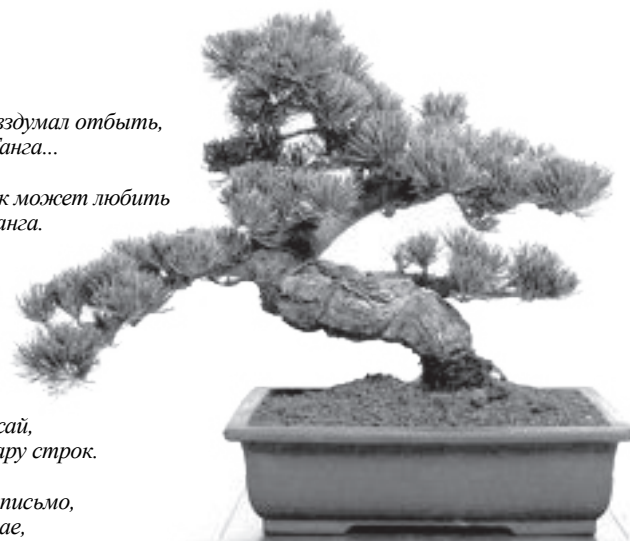
Край юбки парчовой в росе намочил –
Поверь, я росы не заметил!
Блуждая по редкостным травам без сил,
И слушал меня только ветер.

Я к северным варварам вздумал отбыть,
Иль к югу, к излучинам Ганга...
Ведь ты и не знаешь,
как может любить
Чиновник четвертого ранга.

II
Если пишешь принцессе
письмо,
Постарайся молчать
о страданье.
Опиши свой
лимонный бонсай,
Да про службу добавь пару строк.

Если пишешь принцессе письмо,
Умолчи о завядшем бонсае,
Это может ее огорчить,
Что никак не возвысит тебя.

Если пишешь принцессе письмо,

А лимонное деревце – вянет,
Постарайся его оживить,
Переписку оставь на потом.

Говорить себе вечное нет

Заболевши, уехавши, вымре,
В перепутьях чухонских планет,
На вокзале, то летнем, то зимнем,
Говорить себе вечное нет.

И, вдыхая отраву Медеи,
Прошептат: «Далеко до беды».
И сухою ладонью Кащея
На столешнице пыльной следы

Воробьиные гладить да гладить,
Водку пить да микробов губить...
Мармеладить, любить, шоколадить!
А потом умереть и забыть.

Эта ночь бессонной будет,
Это счастье было глупым,
Это детство было ранним –
Во младенчество ушло.
Это утро было светлым,
Это небо было звонким,
Словно флейта крысолова
Или синее стекло.

Или синие стекляшки...
Поэтическая прелесть,
И безделка, и бездумка,
Вольность, лезть, игра, покой...
Ожила твоя безделка,
Перебивши редкой рифмой
Грохот косточек вишневых
В подоконник жестяной.

...Это сердце было лишним.

Эта водка по имени «Стопка»,
Этот наш золотой самопал –
К недалекому прошлому тропка
Или к городу, что запропал
В девяностых, таких виноватых,
Несуразных и громких годах,
И оставил, скатавшись, как вата,
Целлюлозную пыль на губах.

Расцветают тени на воде

Во время войны Станислав Лем
работал автослесарем и участвовал
в Сопротивлении.

Википедия

Человек зависит от случайностей,
Говорил всегда Станислав Лем.
Век двадцатый – век необычайностей,
Двадцать первый – пафосный совсем.

Старый друг шагает мимо мостика,
Полицейский крадется как тать.

Ничего, ни ластика, ни хлястика,
У тебя, поляк, не отобрать.

Ибо горд, красив, теперь вот беден.
Бог отвел Освенцим, Терезин
Эхом католических обеден,
Наступленьем многих долгих зим.

Автослесарь думает о праздниках,
Чудных играх, золотых словах,

Полицай – о близнецах-проказниках
И еврейских мертвых головах.

Так идут они, еще не зная,
Списователь и покорный чтец,
Что отныне судеб их кривая
Разойтись не сможет ни на нец.

Вот они шагают мимо мостика –
Город Львов, простреленный везде,
Белый флаг над площадью полощется,
Расцветают тени на воде.

Душа стирает вечный грим

Остаток сласти в пузырьке –
Осколки счастья былого.
Как на вневременной реке
Кольшиется такое слово,
Что, кажется, проговорить
Его – равно,

что выиграть удачу,
Кольцо, серебряную нить
И птицу Феникс к ним в придачу.

Какой душевный аноним
Мог бы пресечь

такую нежность?
Душа стирает вечный грим,
И незаметная небрежность
Уже не кажется судьбой,
А кажется преображеньем.
И надо жертвовать собой,
И словом, и небес круженьем.

Когда соломинка в глазу,
Все ложным выглядят
и нежным:
И взглядом птицу на весу
Удержишь в день
золото-снежный.

Хотя, что толку в маете
Всевидающего птицелова?!
...Остаток сласти в пузырьке,
Ошметки счастья былого.

Шанхай какой-то, право слово,
Меня разбудят в шесть утра.
Гостеприимнейшего крова
Коснется летняя жара.

Фэн-шуй шорох мелодичный...
Все праздник, все остаток сна –
Журнал потрепанный
столичный
И вид из низкого окна.

Повсюду ленточки, сердечки,
Хоть сор в углу недометен,
И мяч лежит у темной печки,
А за мячом – мышинный схрон.

И мышь еще погрызла кабель...
Но, чтоб забыла маету,
Ты улыбнешься, милый жабер,
С монеткой медною во рту.

Пошли мне, жаба, много денег,
Здоровья, счастья и удач.
Переворачиваю веник,
В окно выбрасываю мяч.

Где ты, пани, пани Магда?
Пани больше не вернется,
Пани позабыла город,
Пани разлюбила шляхту
И теперь в своем поместье

Вышивает серебром,
Шоколадом поит дворню.
Я ведь знаю пани Магду,
Кринолины дарит девушкам,
Ведь отцовское наследство
Ни к чему ей, ни к чему...
Не лечило от любовей
Пани Магду вышиванье,
Лишь лечило от любовей
Путешествия в Мадрид
Да охотничьи забавы,
Да французских филозофов
Сочинения, да лето,
Да поклонники-поэты,
Кутежи и мотовство.

Где же Магдино поместье?
Надо бы за Магдой съездить,
Успокоить, образумить
И в Варшаву привезти.

Не узнаем мы, где пани,
Позабыла пани город,
Разлюбила пани шляхту,
Неизвестно, где поместье,
Знаем только: далеко.
Горе, пани позабыла!
Горе, пани разлюбила!
Лишь на память глаз остались
Подведенных уголки.
Только кисть белой жасмина,
Только карты ночью длинной,

Только имя Магдалина
Да проценные грехи.

Забывши детство, варварство,
стихи,
Чужих молитв
поблажки и угрозы,
Лошажьи черепа, сырые мхи
И хитрый дар
карельския березы.

И желтыми коростами обид
Заклеив душу и измучив тело,
Не время ли
отправиться на Крит,
В Элады
благодатные пределы?
Но вера отпечаталась
в горстях

Соловчатой, сырой,
дремучей грустью,
И снова не удержишься
в гостях,
Дорогу ищешь в дом,
родной и ждущий.
И рыжая тропка уводит вниз,
И этот голос,
звонкий и зовущий,

И варвар, и растущий барбарис,
И варвар, друг,
и барбарис цветущий.